

Д. ФАЙНБЕРГ, А. КАЛИНОВСКИЙ

Введение: Застой и неудовлетворительность [термина]: создание политической и исторической парадигмы

Цель этого тома¹ — проверить устоявшееся представление о том, что период в советской истории между отставкой Никиты Хрущева в 1964 году и избранием Михаила Горбачева Генеральным секретарем в 1985 году был периодом застоя. Принятие парадигмы стагнации в целом означает рассмотрение этого времени как периода, когда сопротивление переменам, коррупция, моральное разложение и другие негативные тенденции сочетались с повышением уровня жизни и внешнеполитическими успехами за рубежом (по крайней мере, до советской интервенции в Афганистан в 1979 г.). Согласно этой точке зрения неспособность противостоять системным проблемам привела Советский Союз к критической отметке к 1985 г. Мы утверждаем, что ярлык «застой» создавал впечатление о том периоде, как о едином бесконечном монолите и, таким образом, затушевывал политические взгляды, социальные и культурные события, а также попытки государства инициировать и возглавить изменения. Предположение, что этот период в целом характеризовался безудержным цинизмом и упадком веры в социалистическое кредо, не объясняет стойкую приверженность народа социалистической идеологии и той власти, которой она продолжала обладать в Советском Союзе.

Именно Горбачев дал название этой эпохе. На XXVII съезде партии в 1986 году он говорил о неспособности руководства справиться с нарастающими проблемами в стране:

В течение многих лет и в силу не только объективных факторов, но и прежде всего субъективных, практическая работа партийных и государственных органов отставала от требований времени, самой жизни. В развитии страны росли проблемы, а не их решения. Инерция, замораживание форм и методов управления, снижение динамизма в работе, рост

бюрократизации — все это наносило нашей работе значительный ущерб. В жизни общества стали проявляться явления застоя*.

<...> ...Попытки Горбачева мобилизовать партию и общественность на новые реформы путем борьбы с бюрократизацией и застоем основывались на устоявшихся советских традициях. Более того, ярлык застоя для брежневской эпохи придумал не Горбачев. Он уже использовался в более узких целях, особенно в экономических дебатах. В 1970 году этот термин фигурировал в научно-исследовательском институте Госплана², где предупреждали, что восьмая пятилетка (1966–1970) приведет к «замедлению, ухудшению или стагнации всех основных показателей». В докладе критиковалось наметившееся несоответствие между государственными ресурсами и потребностями народного хозяйства, между выпуском товаров народного потребления и денежными доходами трудящихся. Другими словами, Госплан предупредил, что в условиях, когда нечего покупать, денежных поощрений будет недостаточно для стимулирования рабочих**.

Из дневников и воспоминаний советников Горбачева следует, что, по крайней мере, среди некоторых партийных чиновников среднего звена в 1970-е годы также утвердилось ощущение, что Советский Союз находится в периоде застоя. Такие темы встречаются в мемуарах Георгия Арбатова, Анатолия Черныева, Карена Брутенца, Александра Яковлева и других «реформаторов», сыгравших влиятельную роль в проведении перестройки***. Арбатов, например, называет период от 1975–1982 годы — «апогей застоя»****. Он поясняет, что если в другие периоды были взлеты и падения, то до середины 1970-х годов «движение не прекращалось, и поиск [решений] не прекращался. Таким образом, это еще не был застой в собственном смысле этого слова». Однако к середине 1970-х годов, по словам Арбатова, «руководство... даже не искало путей обновления. А в экономике реформы [1960-х гг.] прожили недолго и вскоре сменились ярчайшим расцветом привычных командно-административных, бюрократических стилей и методов управления»*****. Точно так же

* XXVII Party Congress of the CPSU, vol. 1 (Moscow: Politizdat, 1986), 24–25.

** Moshe Lewin and Gregory Elliott, *The Soviet Century* (London: Verso, 2005), 370–371.

*** *Anatoly Chernyaev, Sovmestnii iskhod: dnevnik dvukh epokh, 1972–1991* (Moscow: ROSSPEN, 2008).

**** Georgii Arbatov, *Chelovek sistemy* (Moscow: Vagrius, 2002), 279–280.

***** Там же, 279–280 и 309–346 более детально.

Александр Яковлев, известный как «архитектор перестройки», недвусмысленно пишет об этом периоде, хотя и говорит о «кризисе», а не о «застое»: «Воровство, бесхозяйственность, затыкание бесконечных дыр путем проедания национальных ресурсов все отчетливее сигнализировали о кризисе системы. Везде был обман и показуха. Обман пронизывал систему насквозь»*.

Многие эмоции, просматривающиеся в этих текстах, объясняются ролью мемуаристов в начатых Горбачевым реформах, связанных с окончательным распадом Советского Союза. Содержащиеся в них суждения (опубликованные в газетах выдержки из интервью и статей, опирающихся на эти воспоминания) способствовали закреплению негативного восприятия этого периода в СССР и за рубежом. Однако это не означает, что их представления об этом периоде возникли только после 1985 г., хотя, возможно, тогда они и выкристаллизовались. Наиболее ценным источником для современного взгляда на проблему является дневник Анатолия Черняева³ за брежневские годы, поскольку он позволяет провести различие между взглядами Черняева в то время и его сочинениями после 1985 года.

Дневник Черняева свидетельствует о большом разочаровании экономическим положением страны и неспособностью руководства что-либо с этим поделать. Хотя Черняев не употреблял в своих дневниковых записях слова «застой», запечатленные им тогда впечатления передают общее ощущение упадка и неподвижности. Черняев выражает недовольство своим начальником в международном отделе Борисом Пономаревым и другими членами Политбюро, которые зачастую не желали признавать даже самого существования проблем. «Дела плохи, — писал он в ноябре 1978 года, — и нет желающих смотреть фактам в лицо. Они даже не хотят знать. Все отлично. Все великолепно. Всем успехов и достижений. ... пять лет говорим о повышении качества и эффективности, но ничего не движется. И мы не нашли решения»**. На обсуждении в ЦК трудосберегающих технологий в августе 1979 г. Черняев наблюдал, как министров упрекали за невыполнение квоты, но министры отвечали, что им не хватает ресурсов и возможностей для достижения собственных целей: «Главное

* Aleksandr Yakovlev, Sumerki (Moscow: Materik, 2005), 320.

** В показательной фразе он противопоставляет экономическое состояние страны ее настойчивому стремлению сохранить сильные позиции на мировой арене: «Нам нужна полная перестройка всей структуры, нам нужно выгнать всех планировщиков и найти новых и нам нужны деньги, т. е. хотя бы столько, сколько стоит ОСВ-2». Chernyaev, Sovmestnii iskhod, 341.

в том, что ЦК не мог предложить никаких мер по улучшению положения — ни в смысле перераспределения ресурсов, ни в [с точки зрения предоставления] новых ресурсов, ни чего-либо еще»*.

Дневник Черныяева свидетельствует о том, что такие чувства не были редкостью среди более либерально настроенных членов партии, а также среди более консервативных, или среди кадров КГБ и военных, которые считали, что коррупция зашла слишком далеко. Валерий Болдин, начальник штаба Горбачева, который в конечном итоге отвернулся от него, поддержал августовский путч 1991 года и написал язвительные воспоминания о своей работе с Горбачевым, описывая этот период примерно в тех же терминах, что и Черныяев, и Арбатов. Болдин ссылался на «застой и деградацию» в экономике, а также на повсеместную коррупцию в партийных рядах**. Эти критически настроенные партийные аппаратчики поддерживали возвышение Юрия Андропова после смерти Брежнева в 1982 г. и избрание Горбачева в марте 1985 г. Одни только «либералы» не позволили бы ни одному из этих людей взять на себя управление, не говоря уже о том, чтобы установить какую-либо серьезную повестку дня. Вполне вероятно, что существовала коалиция, которая рассматривала поздний брежневский период как период застоя и поддерживала этот ярлык как необходимую предпосылку для более широких реформ и крупной кампании против коррупции***.

Иностранные обозреватели Советского Союза в брежневское время также выдвигали идею застоя, хотя и не называя ее так. Туристы и журналисты из Северной Америки и Западной Европы часто описывали советских людей как циничных и лишенных надежд. Публикации, основанные на личном опыте в Советском Союзе, подчеркивали такие вещи, как нехватка товаров народного потребления в советских магазинах, раздутый бюрократический аппарат, проблемы с жильем и здравоохранением, широко рас-

* *Chernyaev*, *Sovmestnii iskhod*, 373.

** *Valerii Boldin*, *Krusheniia Pedestala: shtrikhi k portretu M. S. Gorbacheva* (Moscow: Respublika, 1995), 29–31.

*** Но ясно и то, что в этом процессе был авангард, т. е. люди, чья артикуляция «застоя» формировалась до 1982 г., и те, кто пришел к ней позже. Так, маршал Сергей Ахромеев, который стал решительным сторонником горбачевской ядерной и афганской стратегий, хотя позже их пути разошлись, признает, что хотя его и беспокоили некоторые события, происходящие в советской экономике в конце 1970-х годов, страна, как ему казалось, функционировала довольно гладко; только после 1985 года он понял, насколько сложной стала ситуация. (*Ахромеев С., Корниенко Г.* Глазами маршала и дипломата. М.: Международные отношения, 1992).

пространенная «вторая экономика» взятки и воровство. Они подчеркнули, что в то время как простые люди проводят свои дни в очередях за основными продуктами и товарами, их лидеры ведут невообразимо роскошный образ жизни. Одного взгляда на повседневную жизнь советских людей было достаточно, чтобы понять, что СССР не смог предоставить альтернативу капитализму, предположил один американский журналист:

«Над облаками кружили советские космические ракеты и спутники-убийцы. В их выносных бункерах сидели ИСВМ4. На земле, в самой столице коммунизма, располагающей лучшими в стране продуктами питания и ширпотребом, солдаты и матери стояли в слякоти по тридцать и более минут, чтобы купить конфеты, доступные даже в самых заурядных магазинах в большей части остального мира»*.

Эти наблюдения были подкреплены выводом о том, что советский социализм не выполнил своих обещаний, и усиливали впечатление того, что СССР катится по нисходящей спирали идеологического упадка. Так, в 1983 году корреспондент *New York Times* Дэвид Шиплер начал свою книгу о Советском Союзе, заявлением о том, что русские «потеряли своих героев и свою веру – веру в идеологию и в свое будущее»**.

Эта картина безнадежности будущего России резко контрастировала с восторженным отношением западных наблюдателей к Горбачеву и его реформам. Приняв терминологию Горбачева, они стали использовать ярлык «застоя» в своих ссылках на брежневскую эпоху. «Застой» стал миром, отделившим безнадежное прошлое от волнующего настоящего: наконец Россия реформировалась и сблизилась с Западом.

Напротив, современные советологи часто имели гораздо более тонкое представление об этом периоде, чем популярные комментаторы. Г. Гордон Скиллинг, Т. Г. Ригби⁵ и другие видели в брежневском режиме быстро меняющееся управление и все более сложное общество с различными группами интересов. Другие отмечали, что советское общество становилось все более образованным и урбанизированным — явление, следует отметить, не ограничивающееся центральной Россией, но, возможно, даже более заметное в некоторых республиках. Модель «конвергенции» в ее различных формах показала, что социально-экономические преобразования,

* David K. Willis. *Klass: How Russians Really Live*. New York: Avon Books, 1987, 2.

** David Shipler. *Russia: Broken Idols, Solemn Dreams*. New York: Times Books, 1983. 5.

происходящие в СССР и на капиталистическом Западе, делают их все более похожими*. В работе 1978 года крупнейший на Западе специалист по советской экономике Алек Ноув⁶ отметил общее улучшение ситуации в сельском хозяйстве в период после свержения Хрущева, в то время как Арчи Браун⁷ отметил очевидную способность режима вести переговоры между различными группами и поддерживать «ограниченный институциональный или бюрократический плюрализм». Советолог Северин Бялер⁸ описал 1976–1982 годы как период «внутреннего застоя, сопротивления переменам и зарубежных авантюр с сомнительными долгосрочными последствиями и явно негативными краткосрочными последствиями». В то же время он упрекнул других наблюдателей в том, что они упускают из виду впечатляющие советские достижения, в частности рост уровня жизни, успешную кооптацию интеллектуальной элиты и нерусских в советский порядок, а также способность системы обеспечить восходящую мобильность и участие в местной политике и управлении без вызовов в сфере высокой политики**.

Если существовало относительно широкое согласие по поводу того, что в конце 1970-х и начале 1980-х годов наблюдался своего рода застой, то сомнительно, чтобы все участники «антизастойной» коалиции могли согласиться с точным определением этого термина. Например, Болдин отмечает, что при всех проблемах того периода, это была также проблема значительного роста и улучшения в некоторых отраслях, в том числе в жилищном строительстве. В более общем плане, пишет он, «во многих областях науки наука достигла впечатляющих результатов, культура развивалась, образование продолжало совершенствоваться»***. <...>

Создание образа зловонного болота могло быть гениальным ходом со стороны Горбачева, но было ли это адекватным описанием политического, экономического, культурного и социального развития СССР за два десятилетия до его прихода к власти? По мере того, как вы начинаете суммировать исключения, точность термина «застой» начинает рушиться. В период строго навязанного идеологического соответствия также наблюдалось невероятное творчество в искусстве, причем не только на уровне подполья или

* *Edwin Bacon*, "Reconsidering Brezhnev", in *Brezhnev Reconsidered*, ed. Edwin Bacon and Mark Sandle (New York: Palgrave Macmillan, 2002), 15–18.

** *Seweryn Bialer*, U. S. S. R. after Brezhnev (New York: Foreign Policy Association, 1983), 7–10.

*** *Boldin*, *Krusheniia pedestala*, 29.

самиздата, но часто и в самых публичных местах. Как показали многие ученые, за консервативной реакцией на либерально настроенных интеллектуалов в начале 1970-х гг., тем не менее, последовал период беспрецедентного творчества и взаимодействия с идеями внутри и за пределами социалистического блока, чему способствовала международная разрядка в таких областях, как экономика, социология и политология*. Хотя политические идеи, выдвинутые мыслителями в этой области, не находили отклика в руководящих кругах вплоть до смерти Брежнева.

Если мы примем, что стагнация не является точным определением того, что происходило в культуре, науке и интеллектуальной жизни, то наиболее трудным для оспаривания парадигмы будет аспект, относящийся к партийно-государственному аппарату. Все вышеперечисленные мемуаристы жалуются на нежелание руководства брежневской эпохи противостоять проблемам, уступать власть молодому поколению или выслушивать реформаторские идеи. Трудно сразу отвергнуть эти утверждения, поскольку явно наблюдался определенный паралич принятия решений, частично вызванный физической слабостью Брежнева. <...>

Конечно, существует множество доказательств в поддержку этой точки зрения, но исключения также имеют важное значение. Принимались крупные решения, особенно по вопросам внешней политики, часто при активном участии Брежнева. И если в конце 1970-х система была слишком жесткой, чтобы поддерживать по-настоящему творческих и динамичных людей, то как мог подняться по ее служебной лестнице кто-то вроде Горбачева, не говоря уже о многих ярких и неортодоксальных интеллектуалах и технократах, которые его поддерживали? В этой связи уместно отметить слова Егора Лигачева, одного из первых союзников Горбачева, который пришел к выводу, что перестройка зашла слишком далеко и слишком быстро, и бросил вызов формирующемуся изображению предыдущей эпохи:

В годы застоя я жил и работал в Сибири — суровой, но поистине прекрасной земле. Меня часто спрашивают, что я делал в это время. Я с гордостью отвечаю: я строил социализм. И таких, как я, миллионы. Было бы актом предательства, если бы я не упомянул тех, с кем связал свою судьбу и разделил радости и печали. Многие из них ушли из этой жизни. Не все получилось так, как мы хотели. <...>...Но мы работали, не оглядываясь, может быть потому, что знали, что дальше Сибири нас не пошлют. Мы

* Robert D. English, *Russia and the Idea of the West: Gorbachev, Intellectuals, and the End of the Cold War* (New York: Columbia University Press, 2000), 117–158.

работали для того, чтобы дать людям лучшую жизнь, больше дать государству и защитить интересы провинции*.

Эти тонкие взгляды того периода важны, потому что они помогают нам понять позицию современников в дебатах о застое до и после распада Советского Союза. В то время как брежневская элита считала этот период «развитым социализмом», Горбачев и его союзники использовали нарратив о застое как оправдание радикальной трансформации Советского Союза, которую они инициировали**. Однако к 1991 году либеральные соперники Горбачева начали использовать ярлык застоя для оправдания своего выступления против перестройки. Ельцин публично критиковал Горбачева и утверждал, что тот пытается вернуть СССР в эпоху застоя, обращая, таким образом, собственное определение Горбачевым брежневской эпохи против него самого***.

Популярность и удобство термина «застой» помогли ему стать важным нарративом, описывающим брежневскую эпоху. Однако политическая, общественная и научная дискуссия об этом периоде советской истории часто выходит за границы «докризисного» или «дообновленного». Когда Советский Союз распался, несмотря на горбачевские реформы и попытки модернизации страны, «застой» стал основным объяснением провала советского социалистического проекта. Даже сегодня вопросы в дебатах о застое основаны на ретроспективном взгляде на события. Отсюда и дискуссия вокруг «нарратива застоя» о том, можно ли было реформировать советский социализм и неизбежен ли был кризис. Упустило ли советское государство свой шанс на реформы к 1982 г., или условия и ресурсы для реформ уже существовали?****

<...>

При этом мы опираемся на другие недавние попытки переоценить брежневскую эпоху. Одной из первых заметных работ в этом отношении является издание 2002 года под редакцией Эдвина Бэкона и Марка Сэндла «Переосмысление Брежнева»⁹. Хотя здесь более подробно рассматривается сам Брежнев, ряд

* Ligachev at 1988 party conference, cited in Stephen F. Cohen, *Soviet Fates and Lost Alternatives: From Stalinism to the New Cold War* (New York: Columbia University Press, 2009) 68–69.

** Viktor Afanas'ev, 4-iia vlast' i 4 Genseka: Ot Brezhneva do Gorbacheva v "Pravde" (Moscow: Izd-vo Kedr, 1994), 14–28.

*** Francis X. Clines, "The Thin Red Line: Gorbachev Fails to Stop the Forces He Set in Motion", *The New York Times*, March 31, 1991, p. E1.

**** Stephen Kotkin, *Armageddon Averted: The Soviet Collapse, 1970–2000* (Oxford University Press, 2001), 1–9.

статей, тем не менее, бросает вызов некоторым общепринятым представлениям об этом периоде. Книга призывает к переоценке дихотомии между «оттепелью» и «застоем», выдвигая на первый план интеллектуальное пространство, доступное в брежневскую эпоху, и творчество, существовавшее внутри интеллектуального истеблишмента и за его пределами. Вместо того, чтобы рассматривать брежневский период как «застой», лишенный независимого мышления, Сэндл предлагает подходить к интеллектуальной жизни при Брежневе как к «неоднородности, борьбе, конфликту и творчеству»*.

С момента публикации тома Бэкона и Сэндла все больше и больше ученых стали обращать свое внимание на брежневскую эпоху, принимая близко к сердцу предложения Сэндла. В 2013 и 2014 годах журналы *Cahiers du Monde Russe* и *Russian History* выпускали специальные номера, посвященные брежневской эпохе, со статьями на самые разные темы, такие как государственные институты, идеология, коллективная память, повседневная жизнь, национальная политика и культурный мир. В настоящее время все больше ученых используют термин «поздний социализм» для описания периода между концом 1960-х и серединой 1980-х годов в социалистических странах, включая Советский Союз в эпоху Брежнева. Термин «поздний социализм» выходит за рамки негативного образа 1970-х годов как нисходящей спирали, обычно ассоциируемой с идеей «застоя». Вместо этого он фокусируется на долгих 1970-х годах как на периоде разнообразия, мобильности и инноваций в политике, обществе и культуре.

Основополагающее исследование Алексея Юрчака «Все было вечно, пока не кончилось» продемонстрировало, что все более шаблонный и застывший дискурс государственной идеологии на самом деле позволял творчески и осмысленно взаимодействовать с ее институтами. <...>

Представление эпохи Брежнева в ее собственных терминах бросает вызов другим дихотомическим категориям анализа. Например, в недавнем сборнике «Советское общество в эпоху позднего

* Редакторы тома также подчеркивают важную роль представителей истеблишмента. Эта группа, как пишет Сэндл, обычно представлена карьеристами, которые брали партийные деньги, статус и безопасность и без колебаний писали то, что им говорили. Их «настоящие» взгляды обычно представляются скрытыми или несуществующими. Тот факт, что многие представители истеблишмента продвинулись в партийных рядах во время хрущевских реформ, свидетельствует о том, что некоторые попытки переосмыслить советские ценности продолжались и в брежневскую эпоху. Sandle, "A Triumph of Ideological Hairdressing?," 136–140.

социализма, 1964–1985» редакторы Неринга Клумбите и Гульназ Шарафутдинова¹⁰ предлагают преодолеть бинарные пары социализм/либерализм и господство/сопротивление, которые часто использовались для характеристики советского общества*. Вместо этого в книге основное внимание уделяется «множественному круговороту власти» и повседневному опыту советских людей. Исследуя такие разные сферы, как потребление, литература, футбол и юмор, книга предлагает новую картину советской жизни в брежневские годы, которая подчеркивает взаимодействие между повесткой дня государственных институтов и индивидуальной активностью граждан.

Наш том способствует этой растущей переоценке брежневской эпохи, формируя новую историографию, которая дает нам гораздо более богатую и детальную картину того времени. Это показывает нам важность сомнений относительно ярлыков и описаний, данных политиками эпохе, и ценность взгляда на данный исторический период со многих сторон одновременно. Многогранная призма показывает динамичное общество, политический и интеллектуальный классы, которые остались верны идеологическим основам государства, осознали вызовы, с которыми столкнулась система, и приступили к творческому поиску решений.

Глава этого тома, написанная Натальей Чернышовой, исследует рутинные встречи людей с государственной системой в качестве потребителей. Чернышова предполагает, что центральное место личного потребления в жизни людей, их идентичности и восприятии успеха в долгие 1970-е не означает автоматически безоговорочный уход от публичной сферы и отстранение от государства. Напротив, советское потребление имело сильный общественный аспект, и советские потребители должны были активно взаимодействовать с существующей системой розничной торговли, обслуживания клиентов и даже черного рынка. Чернышова бросает вызов традиционному образу разочаровавшегося брежневского потребителя. Она утверждает, что повышение уровня жизни увеличило устремления советских потребителей и их личные инвестиции в систему. Со всей серьезностью восприняв обещания режима, советские потребители требовали от государства выполнения своих обязательств по улучшению жизни и возлагали на него ответственность, когда оно этого не делало.

Вклад Саймона Хакстейбла в эту книгу показывает, как советская пресса — важная опора советского идеологического истеблишмента — продолжала свои попытки привлечь и мобили-

* Рр. 1–11.

зовать граждан. Хакстейбл отмечает, что в годы, последовавшие за свержением Хрущева, были предприняты согласованные попытки реформировать советское общество по технократическим принципам, в которых активно участвовала пресса. Хакстейбл демонстрирует, как экономические реформы 1964–1965 годов, которые придавали повышенное значение прибыли и вводили квазирыночные условия для советской прессы, потребовали сбора информации о читателях. В результате почти все ведущие газеты нанимали социологов для проведения количественных исследований своей аудитории. Эти социологи выявили незнание журналистами своих читателей и показали, что читатели реагировали на содержание прессы совершенно неожиданным образом. Под влиянием находок социологов и необходимости заполучить подписчиков журналисты стали воспринимать свою аудиторию не только как просвещаемых лиц, но и как потенциальных потребителей — и соответствующим образом корректировали свой контент. Результатом, как предполагает Хакстейбл, стал раскол представлений о советской общественности как едином целом, что имеет отношение к нашему пониманию социальной динамики частного и общественного в брежневскую эпоху.

Глава Льюиса Зигельбаума о миграции из сельской местности в советские промышленные центры показывает, как молодые люди в колхозах брали свою судьбу в свои руки и отправлялись в судьбоносные путешествия, чтобы учиться, работать и осесть в городах. По словам Зигельбаума, главным источником вдохновения для этих монументальных изменений была идея хорошей жизни, которую активно продвигали социалистическая культура и институты. Движение и трансформация также являются предметом вклада Кристиана Ноака в эту книгу. Исследование Ноаком туризма в Советском Союзе указывает на то, что советская частная и общественная сферы были переплетены с отдыхом, как и с работой. В брежневскую эпоху, утверждает Ноак, советский туризм стал «золотой серединой», где государство и народ обсуждали свои конкурирующие идеи об отношениях между семьей и коллективом. В результате этих переговоров советское представление о досуге трансформировалось, что привело к появлению семейного отдыха и автомобильного туризма, ранее невиданного в советском контексте.

Как показывают эти работы, внимательное изучение практик и институтов, занимавших центральное место в советской повседневной жизни, ставит под сомнение представление о брежневской эпохе как о периоде застоя. В отличие от представления о циничном населении мы видим, как социалистическая культура

и пропагандируемые ею надежды на лучшую жизнь пронизывали повседневную деятельность советских граждан, а также их взаимодействие с окружающим миром.

Возможно, одним из самых интересных явлений брежневской эпохи является то, что официально санкционированная социалистическая культура давала широкие возможности для критики советского режима и выражения народного недовольства и недовольства. В статье Андрея Щербенка исследуется, как определенные слои населения примирились с недостатками советской системы посредством кино. Статья призвана усложнить представление Алексея Юрчака о том, что советские граждане воспринимали позднесоциалистическую действительность как вполне устойчивую и рассчитанную на многие десятилетия. Щербенко показывает, что в ряде фильмов, имевших культовый статус именно в среде городской интеллигенции, изучаемой Юрчаком, советская действительность изображалась как рассыпающаяся, полная неразрешимых проблем и переживающая глубокий кризис, словом, несовместимая с представлениями о долголетию и стабильность. Самое главное, эти фильмы демонстрируют кризис глубоко укоренившихся ценностей и сплоченных сообществ «нормальных людей», которые Юрчак считал краеугольными камнями позднесоветской стабильности. Щербенко также обрисовывает несколько возможных объяснений того, как популярность кризисных фильмов может сосуществовать с воспринимаемой стабильностью, и рассуждает о возможных психосоциальных побуждениях, которые заставляли позднесоветскую аудиторию поддерживать подрывные кинематографические фантазии.

Холодная война и отношения между Советским Союзом и тем, что мы называем Западом, вырисовываются в повествовании о вызове стагнации. Несколько ученых недавно отметили, что советские отношения с внешним миром характеризовались нестандартной политикой и радикальным отходом от стратегий прошлого*. Рабо-

* Один из таких примеров представлен в анализе Владислава Зубкова личной приверженности Брежнева американско-советской разрядке и его роли в ее продвижении. *Vladislav M. Zubok, A Failed Empire: The Soviet Union in the Cold War from Stalin to Gorbachev* (Chapel Hill: University of North Carolina Press, 2007), 191. Dima Adamsky has shown just how dynamic Soviet military science and strategic thought was with regard to developing the Revolution in Military Affairs in the 1970s. Dima P. Adamsky, "Through the Looking Glass: The Soviet Military-Technical Revolution and the American Revolution in Military Affairs", *Journal of Strategic Studies*, volume 31, issue 2, 2008 (257–294), and *The Culture of Military Innovation:*

та Сари Аутио-Сарасмо об экономическом сотрудничестве между Востоком и Западом и технологическом обмене на фоне холодной войны демонстрирует, насколько доминирующей была инициатива и новаторское мышление в советском взаимодействии с внешним миром. Сосредоточив внимание на обмене технологиями и научными ноу-хау между Советским Союзом и Западной Европой, Аутио-Сарасмо указывает, что пик этих обменов пришелся как раз на период, обычно связанный с высоким застоем (1973–1982 гг.). Это эссе предлагает важную поправку к традиционному взгляду, который противопоставлял якобы отсталую советскую науку и технику «западному прогрессу». Напротив, Аутио-Сарасмо утверждает, что советские лидеры стремились импортировать иностранные технологии как одно из средств ускорения и облегчения модернизации и развития внутри страны. Постоянный акцент советских лидеров на развитии и модернизации объясняет усилия, которые они вложили в установление, развитие и продвижение деловых отношений и обмена с Западом.

Продолжая эти темы, Анна Гельцер исследует динамику советских отношений с западными учеными и указывает на проблемы и достижения сотрудничества в области разработки противораковых препаратов. Мало того, что советская наука была вовлечена в международные разработки, показывает Гельцер, но и представление о том, что советская наука страдала от недофинансирования и отсутствия профессиональной автономии, в значительной степени ошибочно. Напротив, система, хотя и несовершенная, давала много возможностей для индивидуальной инициативы, а также для деидеологизированных дебатов о научных методологиях.

Важная опора нарратива о застое подчеркивала снижение конкурентного стремления «достичь и превзойти Запад», с одной стороны, и увлечение советской публики западными товарами и культурными артефактами, с другой. Например, в своей знаменитой книге о глобализации известный обозреватель «New York Times» Томас Л. Фридман написал, что «железный занавес» рухнул, потому что люди хотели получить то, что было по ту сторону — McDonald's, IBM и Микки Мауса*. Исследователи «мягкой силы» США часто вторят точке зрения Фридмана и изображают глобализацию американской культуры как односторонний, непре-

The Impact of Cultural Factors on the Revolution in Military Affairs in Russia, the US, and Israel (Stanford: Stanford University Press, 2010), 24–57.

* Thomas L. Friedman, *The Lexus and the Olive Tree* (New York: Anchor Books, 2000), 389.

рывный поток с Запада на Восток*. Однако картина существенно меняется, если мы рассматриваем отношения Восток-Запад как систему обмена, а не одностороннего влияния, и подчеркивают динамику взаимного воображения, которая формировала транснациональные взаимодействия. Такой взгляд на отношения СССР с внешним миром позволяет исследователям выйти за рамки кажущихся противоречивыми черт позднесоветского периода, таких как участие в партийных учреждениях, с одной стороны, и прослушивание западных рок-групп, с другой**.

Заключительные статьи в этом томе исследуют различные формы советского взаимодействия с миром, обращаясь к воображению советского «я» и западного «другого», а также к обмену и присвоению идей, товаров и символов. Эссе Джулианны Фюрст о хиппи исследует, как этот по существу западный культурный феномен был освоен и трансформировался в советском контексте. На самом деле, утверждает она, социальный и культурный климат брежневского периода способствовал превращению хиппи в неофициальную субкультуру. Советские хиппи могли вести красочную и беззаботную жизнь именно потому, что теперь государство обеспечивало им безопасность и (относительную) свободу.

Кортни Дусетт исследует динамику неофициального культурного обмена на примере отношений между известным западным коллекционером произведений искусства Нортоном Доджем¹¹ и группой «Лианозово»¹², коллективом неофициальных советских художников. Эссе Дусетта бросает вызов традиционному нарративу, который изображал инакомыслие в брежневскую эпоху «бастионом западного либерализма в море коммунизма». Она утверждает, что транснациональное сотрудничество между неофициальными художниками и западными коллекционерами сформировало «политический и политизированный» образ неофициальных советских художников, который играет столь важную роль в современном нарративе брежневской эпохи. Хотя взаимные ожидания Доджа и Лианозовской группы во многом совпадали, это произошло не потому, что художники и коллекционер разделяли политические ценности. Западные коллекционеры рассматривали творчество неофициальных художников как политическое сопротивление советскому режиму. Напротив, сами художники «видели

* См., например: *Victoria De Grazia*, *Irresistible Empire: America's Advance through Twentieth-Century Europe* (Cambridge: Belknap Press, 2005); *Walter L. Hixson*, *Parting the Curtain: Propaganda, Culture, and the Cold War, 1945–1961* (New York: St. Martin's Press, 1997).

** *Yurchak*, *Everything Was Forever*, 158–206.

свое искусство как место не политической, а глубоко индивидуалистической деятельности». Дусетт отмечает, что художники начали изображать из себя диссидентов и политических противников советского режима только после 1974 года, после выставки «Бульдозер»¹³ и последующего исхода художников в эмиграцию.

Симо Микконен исследует деятельность советско-финского общества и показывает, как культурные и личные отношения, установившиеся во время «оттепели», продолжали расширяться после свержения Хрущева. Люди из всех слоев общества, а не только из профессиональной элиты, участвовали в официальных и полуофициальных делегациях, программах обмена и организованных турах, постоянно расширяя поток идей и людей через границы. Микконен указывает, что именно в этот период, который обычно ассоциируется с застоем, отдельные инициативы дополняли программу партии как определяющий фактор транснациональных связей.

Переосмысление застойного нарратива важно не только для нашего понимания брежневской эпохи и ее последствий. Это также помогает объяснить, почему эпоха Брежнева занимает столь важное место в общественном дискурсе сегодняшней России. С одной стороны, у нас есть ностальгический взгляд на брежневскую эпоху, время, которое многие современные деятели культуры и политические эксперты переживали в молодости. Результатом этого является любовное изображение брежневского периода в глянцевого телесериалах и программах, посвященных советскому прошлому.

<...>

В то же время термин «застой» используется и в аналитике зарубежных наблюдателей, которые часто проводят неявные и явные параллели между путинской Россией и брежневским СССР. Бинарные категории, которые в прошлом функционировали как центральные опоры нарратива о застое, такие как угнетение/сопротивление, авторитаризм/демократия или пропаганда/свободная пресса, уходят из американских и европейских оценок российской политики и общества. Как недавно заметил Андрей Цыганков, «СМИ США поддерживают и продвигают бинарный нарратив, который сопоставляет и противопоставляет видение морально неполноценной несоветской России видению превосходящей американской системы»*. Тем не менее, если вызовы повествованию о застое нас чему-то научат, так это тому, что ос-

* URL: <http://blogs.lse.ac.uk/euorppblog/2015/08/17/nobody-loves-russia-how-western-media-have-perpetuated-the-myth-of-putins-neo-soviet-autocracy/>

мысленное взаимодействие с Россией требует ее принятия на ее условиях. Нынешнее обращение к периоду застоя и его постоянное присутствие в современной культурной и политической жизни свидетельствует о силе и распространенности этой идеи, а также о своевременности этой книги. Основная цель этого тома — пересмотреть смысл и обоснованность идеи «застоя» и ее составляющих компонентов. Мы надеемся, что читатели будут заинтересованы в этом с помощью междисциплинарного сообщества ученых, собравшихся здесь.

